

¹¹ Казарин В.Н. Как могла быть устроена Восточная Сибирь в 1920-е гг.: К истории одной научной дискуссии // Известия ИГЭА. Иркутск, 2004. № 1; Он же. Административно-территориальное и национальное деление Восточной Сибири в 1920-е гг.: теоретические подходы и реализация в политике // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2004.

¹² СССР по районам. Дальневосточная область / сост. Н.Б. Архипов. М.; Л., 1926. С. 160–161.

¹³ Архипов Н.Б. Дальневосточный край. 2-е изд. М.; Л., 1929. С. 148.

¹⁴ Виленский-Сибиряков Вл. Советская реформа в Северной Азии // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 6.

¹⁵ Черкунов А.Н. К вопросу о районировании Средней Сибири (Лено-Байкальская область) // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 7–8.

¹⁶ Черкунов А.Н. Указ. соч. С. 11–12, 27.

¹⁷ Колосовский Н. К вопросу о создании Ленско-Байкальского краевого образования // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 91–92.

¹⁸ Попов В.Л. Экономическое районирование Сибири (Экономико-географический очерк) // Северная Азия. 1927. Кн. 3. С. 31, 36.

¹⁹ Попов В.Л. Перспективы и проекты транспорта Сибири (Экономико-географический очерк) // Северная Азия. 1928. Кн. 5–6. С. 18–20.

²⁰ Соколов М.П. Значение Средне-Сибирского колониционного района // Северная Азия. 1928. Кн. 5–6. С. 50–52.

²¹ Шипихин В. К созданию национально-туземных округов // Северная Азия. 1929. Кн. 5–6. С. 112, 126.

²² Форсировать народнохозяйственное развитие Крайнего Севера // Советская Азия. 1931. Кн. 9–10. С. 189.

²³ См.: Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992. Гл. Поражение.

²⁴ См., например: Иванов А.А. Лев Бронштейн в сибирской ссылке // Сибирская ссылка: сб. науч. тр. Иркутск, 2000. Вып. 1 (13).

²⁵ Троцкий Л.Д. О Сибири // Северная Азия. 1927. Кн. 3. С. 9–10, 14, 17.

²⁶ Пархоменко А.А. Кржижановский Глеб Максимилианович // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 13. Стб. 1242–1243.

²⁷ Кржижановский Г.М. Основные проблемы Сибири // Северная Азия. 1930. Кн. 1–2. С. 8–10.

В.Г. КИЧЕЕВ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЧЕРНОСОТЕННО-МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. в России разразился острейший политический, социально-экономический и национальный кризис. Стремление царизма решить внутренние проблемы за счет «маленькой победоносной войны» привело не только к поражению в русско-японской войне, но и к социальному катаклизму — революции 1905–1907 гг.

Одновременно с этим в империи начинает складываться партийно-политическая система как важнейший элемент гражданского общества. Она возникла в России на основе бурного развития в стране западного уклада, расширения демократии, появления элементов парламентаризма. В относительно короткий срок в России сформировался разветвленный партийный спектр, отражавший все многообразие социально-политических интересов. Всего в России конца XIX–начала XX вв. действовало около 300 общероссийских и национальных партий¹. При этом вплоть до 1917 г. ни одна партия не прошла испытание политической властью и не имела опыта конструктивной государственной деятельности. По существу в стране не было правительственной партии. С декабря 1905 г. в империи действовала инструкция, запрещавшая государственным чиновникам вступать в какие-либо партии. Практически все партии, даже самые консервативные, занимались в основе своей критикой действовавшего правительства. При этом преобладали политические структуры, выступавшие против западных ценностей, среди которых наиболее непримиримыми были монархисты.

Следует отметить, что на фоне слабого внимания к непролетарским партиям в России начала XX в. черносотенцам явно «не повезло», так как отечественная историография традиционно не балует их своим вниманием. Что касается советской историографии, то она и вовсе считала «черную сотню» порождением царской охранки, не имевшей ни социальной базы, ни мотивов для своей деятельности. По справедливому мнению Ю.И. Кирьянова такие важнейшие аспекты партийного строительства как программные положения монархистов, их численность, социальный состав, тактические установки, работа с массами и в Государственной думе изучались «в пределах и под углом идеологизированных стереотипов: основное внимание обращалось на «погромные действия», «антисемитизм», «уголовщину», «мракобесие»². И это, не смотря на то, что В.И. Ленин неоднократно указывал на необходимость изучения истории всех политических партий. Напомним, что В.И. Ленин не был профессиональным историком, специально изучавшим проблемы партийного строительства в России в начале XX в. История интересовала его с точки зрения уроков для современной борьбы, для выработки программы, стратегии и тактики марксистской партии. В этом плане его работы и особенно «Опыт классификации русских политических партий» (1906 г.)³, «Политические партии в России» (1912 г.)⁴ и «Политические партии в России и задачи пролетариата» (1917 г.)⁵ представляют несомненный интерес для характеристики не только складывающейся партийно-политической системы и места в ней монархистов, но характеристики социальной основы для возникновения реакционно-монархического направления в политическом спектре России. Тем более, что научная классификация политических партий является важной методологической проблемой⁶, решение которой позволяет определить интересы какого класса (слоя) выражает и

защищает та или иная партия, а также, по определению В.И. Ленина «кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики»⁷. Российская историография объективно приняла ленинский тезис, справедливо полагая, что «национальные, религиозные, правовые и другие моменты также оказывают влияние на образование и деятельность политических организаций, но они не являются определяющими»⁸.

К помещичье-монархическим относились все партии, которые отстаивали помещичье землевладение и самодержавие независимо от их состава и деклараций. Черносотенные союзы и организации вышли из подполья после принятия манифеста 17 октября 1905 г. Идеи истоки монархистов лежали в русле «Теории официальной народности»: «православие, самодержавие, народность». Духовные наставники черносотенцев — славянофилы А.С. Хомяков, братья Аксаковы, братья Киреевские, Ю.Ф. Самарин. В основе идеологии черносотенцев лежали критика капитализма, Запада, идеологизация допетровской эпохи. Центральный тезис черносотенцев — «Россия для русских».

Традиция изучения крайне правых партий как всего правительственного лагеря была заложена еще до революции меньшевистскими публицистами В. Меч⁹ и В. Левицким (Ю. Цедербаум)¹⁰, которые впервые в российской историографии попытались оценить черносотенство как политическое явление. В то же время они абсолютизировали зависимость черносотенных союзов от дворянской верхушки и самодержавия.

Тогда же публицисты монархического толка также пытались оправдать и дать позитивную оценку этому явлению. В частности Н.И. Черняев писал, что правая дворянская публицистика пыталась «застраховать народ от заразы демократических, республиканских и вообще антимонархических веяний, учений и предрассудков» путем воспитания в массах «осознанного монархического убеждения»¹¹. Черносотенский публицист, идеолог правых В.А. Грингмут писал, что «Революция есть своеволие зла, направленное к попранию законности». По его мнению, крамольной интеллигенции, «порождающей» вредные, социалистические идеи, необходимо противопоставить «здоровые консервативные силы общества, и в первую очередь «лучших людей», поместное дворянство — «надежнейший и разумнейший оплот царской власти»¹².

Первой советской работой по истории монархических партий стала вступительная статья В.П. Викторова к сборнику документов «Союз русского народа», написанная в конце 1920-х гг.¹³. Автор дает емкую характеристику тем организационным объединениям из числа дворян, которые представляли появление «Союза». В свою очередь «Союз», ставший олицетворением монархизма, пытался принять демократическую окраску, вербуя в свои ряды представителей «низов» для защиты самодержавия. Автор указывает на тесную связь «Союза» с правительством, которое субсидировало руководителей монархической организации в центре и на периферии в их борьбе с революцией. Не смотря на некоторые сла-

бости и погрешности автора в оценке социальной программы и социальной сущности партии, статья В.П. Викторова — это, несомненно, первая серьезная попытка не только оценки, и исследования проблемы.

Одновременно со статьей В.П. Викторова в харьковском издательстве «Пролетарий» вышла серия брошюр: «Какие партии были в России», где имеется работа В. Залежского «Монархисты»¹⁴. В исследовании в самом общем виде отражается история большинства помещичье-монархических организаций, их программные установки, методы действия, классовая сущность. Его концепция сводится к тому, что вначале дворянство при поддержке духовенства создавали чисто сословные монархические организации такие как «Русское собрание», «Монархическая партия», «Общество хоругвеносцев», «Союз Михаила Архангела», «Братство кречетов», «Братство борьбы с крамолой» и др., которые играли определенную роль на политической арене в период социально-экономической стабильности. С началом революции эти организации не могли оказать серьезного воздействия на массы и тогда начинают формироваться «всесословные» монархические партии такие как «Союз русских людей», «Союз русского народа». Оба автора отмечают тесную связь «Союза» с правительственными кругами и полицией. К сожалению, оба автора обошли стороной такой важный вопрос как формирование социальной базы монархистов деревне.

1920-е гг. раскрыли возможность воссоздания истории черносотенных организаций, когда стал доступен корпус ведомственных документов, затрагивающих различные аспекты деятельности правых партий. Обзоры В.П. Викторова и В. Залежского были существенно дополнены работами Б. Брусянина, в которых исследовалась черносотенная агитация в рабочей среде¹⁵, А.Е. Евгеньва¹⁶ (А.А. Кауфман), И. Когана¹⁷, А. Киржница¹⁸ о погромном движении, Б.Н. Кандидова¹⁹ и Г. Костомаров²⁰ о взаимодействии церкви с крайне правыми силами. В жанре политического портрета были представлены некоторые лидеры правого лагеря²¹. Следует особенно отметить, что исследовательская работа этого периода была неразрывно связана с публикацией источников по истории черной сотни.

Таким образом, рассмотренные публикации относятся к периоду становления советской историографии партийно-политического строительства в России в начале XX в. Конечно, литература этого периода носила отпечаток своего времени, что выражалось, прежде всего, в отсутствии альтернативного направления в изучении проблемы. Исторические явления рассматривались под углом зрения недавней политической борьбы. Статьи и брошюры носили, прежде всего, идеологический характер и ставили целью разоблачение политического противника. Тем более, что монархическая эмиграция еще представляла реальную угрозу. Вместе с тем, советская историография сделала большой шаг в разработке данной проблемы. В научный оборот был введен значительный корпус документов, поставлена проблема о месте крайне правых в политической системе России в начале XX в. К сожалению, в дальнейшем эти, несом-

ненно, положительные наработки не получили развития и изучение темы фактически прекратилось на несколько десятилетий. В общество возобладали тенденция идеологического контроля над общественной мыслью, нетерпимость к любым отклонениям от официальных канонов. Изучение истории непролетарских партий было затруднено, а история черносотенного движения и вовсе выпала из круга научно проблематики. Если в конце 1920-х гг. был издан документальный сборник о Союзе русского народа, то документальный сборник о черной сотне в целом, подготовленный в 1934 г., был рассыпан и не увидел света. В последующем источники по истории крайне правых в России стали недоступны не только для широкого читателя, но и для профессиональных историков. Одной из причин закрытия архивных фондов черносотенных организаций стала бытовавшая в пропагандистской литературе аналогия черносотенства с фашизмом. Тема оставалась острой еще и потому, что была тесно связана с национальным вопросом вообще и антисемитизмом в частности.

Некоторые сдвиги в разработке темы наметились после XX съезда партии, когда изменилась политико-идеологическая ситуация в стране, в результате чего были созданы благоприятные условия для творческой работы ученых-историков. Возросший в эти годы интерес к проблеме союзников и противников пролетариата на первом этапе революции привел исследователей к мысли о необходимости заниматься изучением истории непролетарских партий, в том числе черносотенных организаций. Однако отхода от прежних стереотипов, к сожалению, не произошло. Поэтому не случайно, что большинство работ советских историков рассматривало лишь один сюжет — борьбу большевиков против идеологии и тактики черносотенства. Лишь в публикациях В.В. Комина²², Л.М. Спирина²³ и А.Я. Авреха²⁴ черносотенцы стали объектом специального изучения, что позволило им поставить важные вопросы, касающиеся численности, состава, организационной структуры и практической деятельности монархических партий и организаций. Работы написаны на широкой источниковой базе. В научный оборот вводится значительный фактический материал. О главных помещичьих партиях говорится в шестом томе многотомной «Истории СССР»²⁵. Однако правомонархические объединения на фоне других непролетарских партий в этих работах занимают ничтожно малое место. Кроме того, их деятельность, как в прочем и других непролетарских партий, рассматривается с точки зрения разработки стратегии и тактики большевиков по отношению к непролетарским партиям. Тем не менее издание этих работ — это несомненный шаг вперед в освещении истории черносотенного движения и понимания сути партийно-политической системы в России в начале XX в. Что касается региональной историографии, то на этом этапе не было даже попыток выявить общие закономерности в развитии черносотенного движения на периферии, его роли в местной общественно-политической жизни. В публикациях лишь тиражировались факты, освещавшие черносотенные погромы 1905 г.

Фактически интерес к истории черносотенного движения появился только в 1970–1980-е гг. Это было обусловлено объективными тенденциями в советской исторической науке, когда появилась потребность создания обобщающих трудов по истории политических партий в России. Так, серьезным вкладом в разработку проблемы стало коллективное исследование вышедшее в 1970 г. под редакцией М.П. Кима «В.И. Ленин и история классов и политических партий в России»²⁶. И хотя в исследовании показано развитие В.И. Лениным учения о классах и политических партиях без помещичье-монархических организаций, тем не менее в работе была выработана методика исследования сущности, эволюции, закономерностей краха непролетарских партий. Это был первый коллективный труд в советской историографии.

В следующих коллективных трудах, изданных в 1980-е гг.²⁷, были включены специальные разделы о черносотенных союзах. В этих разделах были показаны социальные причины возникновения черносотенных организаций в центре и провинции, дан анализ программных документов Союза русского народа, Русской монархической партии, Союза земельных собственников. Особое внимание уделялось тактическим установкам Союза: незыблемость самодержавной власти, восстановление неограниченной монархии, замена законодательной Государственной думы законосоветательным учреждением, единство и неделимость России, неприкосновенность всякой частной собственности, искоренение «злых сил» в лице социалистически настроенной интеллигенции, ограничение власти бюрократии, «заслонившей личность царя». Одновременно с этим авторы рассматривают и демагогические декларации черносотенцев по рабочему и крестьянскому вопросам, рассчитанные на завоевание масс. Важным аспектом исследования коллективов авторов стал рассмотрение думской тактики монархистов, агитационно-пропагандистская деятельность и попытка определения их численности и организационной структуры. На наш взгляд, представляется верным важный вывод о роли помещичье-монархических партий, организационное оформление которых «завершило образование в годы первой российской революции той системы политических партий, которая просуществовала вплоть до 1917 г.»²⁸.

В эти же годы были защищены 4 кандидатских диссертации, в которых правые организации стали предметом исследования²⁹. Однако историческая традиция рассматриваемого периода требовала рассмотрения этой проблематики через призму деятельности большевистской партии, ее борьбы с реакцией.

Таким образом, советская историография сделала важный задел на пути разработки истории черносотенных союзов. В то же время советская историография не дала ответов на важнейшие аспекты исследования, связанные с определением структуры, численности, географии распространения черносотенных союзов. Нет ответа и на вопрос о социальном составе крайне правых, как нет четкого представления о методах чер-

носотенной пропаганды в различных социальных слоях общества. Все это подготовило определенный плацдарм для современной российской историографии по проблеме помещичье-монархических организаций, которая шагнула далеко вперед в раскрытии поставленной проблемы.

Примечания:

¹ Петрушин Ю.А. Политические партии России: страницы истории: учеб.пособие. Иркутск, 2006. С. 5.

² Кирьянов Ю.И. Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 724.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 21–27.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 275–287.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 191–206.

⁶ Курас Л.В., Кичеев В.Г. Методология классификации политических партий в России в начале XX в. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История. Вып. 12. Улан-Удэ, 2006.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 261.

⁸ Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 8.

⁹ Меч В. Силы реакции // Борьба общественных сил в русской революции 1905–1906 гг. М., 1907. Вып. 1. С. 10–100.

¹⁰ Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т. 3. С. 347–469.

¹¹ Черняев Н.И. Необходимость самодержавия для России. Екатеринбург, 1906. С. 1.

¹² Грингмут В.А. Собрание статей. Вып. 3. М., 1910. С. 23.

¹³ «Союз русского народа». По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. Составитель А. Черновский. Редакция и вступительная статья В.П. Викторова. М.; Л., 1929.

¹⁴ Залежский В. Монархисты. Харьков, 1930.

¹⁵ Брусянин Б. Черная сотня на фабриках и заводах Петербурга в годы реакции: материалы по истории рабочего движения // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 154–181; № 2 (29). С. 151–172.

¹⁶ Евгекньев А.Е. Царские погромщики. Пг., 1919.

¹⁷ Коган И. Погромы в дни свободы (октябрь 1905). М., 1925.

¹⁸ Киржниц А. Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. М., 1930.

¹⁹ Кандидов Б.П. Крестом и нагайкой: Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928; Он же. Церковь и 1905 г: Очерки и материалы. М., 1930; Костомаров Г. Черная сотня под флагом религии в 1905 г. М., 1931.

²⁰ Костомаров Г. Черная сотня под флагом религии в 1905 г. М., 1931.

²¹ Любош С.Б. Русский фашизм Владимир Пуришкевич. Л., 1925; Заславский Д.О. Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927.

²² Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий России. Ч. 1. (1900–1917 гг.). Калинин, 1970.

²³ Спириин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.–1920 г.). М., 1977.

²⁴ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981.

²⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Россия в период империализма. 1900–1917 гг. М., 1968.

²⁶ В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970.

²⁷ Непролетарские партии в России. М., 1982; Непролетарские партии в России: Урок истории. М., 1984; Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987.

²⁸ Непролетарские партии в России: Урок истории... С. 114.

²⁹ Бажин А.А. Борьба партии большевиков против черносотенного движения в России в годы первой русской революции (1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Сысоева Е.У. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции. По материалам Москвы и Московской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; Степанов С.А. Банкротство черносотенных союзов и организаций (1907–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; Пронькин С.В. Разоблачение В.И. Лениным, партий большевиков реакционного характера партий и организаций в период нового революционного подъема (1910–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

*Л.В. КУРАС
С.П. СУШ*

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ РЕЖИМ В БМАССР В 20-е–НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в.

Пенитенциарный режим необходимо рассматривать как систему мер, применение которых позволяет исправлять людей преступивших закон, сделать их полезными для общества. Понятие режима в местах лишения свободы включает в себя весь уклад жизни заключенных.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1924 г.)¹ строил систему отбывания наказания в местах лишения свободы в зависимости от классовый принадлежности осужденного и уровня общественной опасности совершенного преступления. Так, Постановлением ВЦИК от 21 апреля 1925 г. «О представлении отпусков из мест заключения на полевые работы заключенным крестьянам» губернским распределительным комиссиям предоставлялось право разрешать в период полевых работ отпуска на срок до трех месяцев тем заключенным крестьянам, которые совершили преступление по неосознанности, в первый раз, или вследствие тяжелых материальных условий не внушают опасения в смысле побега и что их отпуск не вызовет недовольства со стороны местного населения. При этом принадлежность осужденного к трудовому сельскому населению данной местности и действительная потребность в отпуске для хозяйства должны были устанавливаться местными сельскими советами. Время отпуска засчитывалось в отбываемый срок лишения свободы при условии несовершения осужденным в течение отпуска других преступлений, своевременного возвращения из отпуска и действительного участия в выполнении работ, на которые дан отпуск. Постановление распростра-